

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УЯЗВИМОСТЕЙ ИНФОРМАЦИОННО-НОРМАТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ УКРАИНЫ

Информационно-психологическое сопровождение международного политического процесса окончательно стало нормой в XXI веке. Информационно-психологическое воздействие сопровождает практически все акции министерств иностранных дел современных государств. Масштаб и интенсивность подобного сопровождения варьируют в зависимости от конкретного государства, его статуса и внешнеполитического потенциала, а так же, в зависимости от масштаба и сложности задач, стоящих перед внешнеполитическим ведомством. Суть информационно-психологического сопровождения, которое на Западе принято называть **публичной дипломатией**, может заключаться в подготовке информационно-аналитической документации для внешнеполитического ведомства, субординации деятельности государственных СМИ (информационных агентств, информационно-аналитических фондов etc.), координации действий независимых СМИ через систему пулов, брифингов, пресс-конференций с целью создания благоприятного информационно-психологического фона для деятельности ведомства. Основная цель создания подобного фона – стимулирование благоприятных для ведомства изменений в морально-этических оценках целевой аудитории.

С другой стороны, информационно-психологическое воздействие, инициируемое всем потенциалом специализированного аппарата внешнеполитического ведомства, может обрушиться и на деятельность соответствующего ведомства иностранного государства, с целью трансформации либо ослабления его позиции.

Новейшая история Украины изобилует яркими примерами агрессивного информационно-психологического воздействия, встречающего противодействие лишь силами частных СМИ, обладающих ограниченным влиянием и лишь на национальную аудиторию.

На фоне почти полного отсутствия сообщений об Украине в мировых средствах массовой информации, накануне практически каждой важной внешнеполитической акции иностранного государства относительно Украины осуществляется кампания с целью давления на украинскую дипломатию. Чиновники вынуждены оправдываться и переговорные позиции сразу ухудшаются.

Например, кампания в Los Angeles Times о военном сотрудничестве Украины с Ливией в середине 90-годов. Сердцевиной этой кампании стал информационный фантом о продажах украинских вооружений этой стране. Пик кампании пришелся на время визита президента Леонида Кучмы в Соединенные Штаты в 1996. Другим подобным примером можно считать публикации в New York Times и других американских изданиях, а также

слушания в конгрессе США относительно коррупции в Украине в 1997. Подобные факты имели место и в 1998.

Последние примеры – объявление о продаже Украиной Ираку четырех мобильных радиолокационных установок Кольчуга Донецкого ПО Топаз в начале 2002 и только что разразившийся скандал с продажей ракет Х-55 Ирану и Китаю. В первом случае Украина испытывала интенсивное силовое воздействие с требованиями предоставить образцы Кольчуг для исследования их ТТХ. Это – требование мотивировалось соображениями безопасности контингента США в Персидском заливе. Как позднее выяснилось, место имели лишь переговоры с *Ливией* о поставках подобных систем. В отношении второго, в настоящее время сложно сказать что-либо более определенное, поскольку официальное расследование только инициировано, однако с уверенностью можно утверждать, что подобные сообщения не могут не наносить ущерб образу государства, его статусу в системе международных отношений, сложившемуся образу жизни, интегрированности общества через снижение уровня легитимности действующей власти. Более того, заглядывая за горизонт, мы должны признать, что отсутствие эффективных систем противодействия явному и неявному информационно-психологическому воздействию в виде институтов публичной дипломатии, в перспективе, несет угрозу разрушения всей национальной информационно-нормативной инфраструктуры.

Сейчас, проблема информационно-психологического воздействия интересует очень широкий круг исследователей. В той или иной степени она исследуется в работах И. А. Василенко [5], Э. А. Галумова [6], М. Г. Делягина [7], Ю. Б. Кашлева [6], А. В. Литвиненко [8], И. Н. Панарина [9], Г. Г. Почепцова [10, 11], В. Ф. Прокофьева [12], С. П. Расторгуева [13] и ряда других авторов. Обобщая выводы большей части указанных авторов, в частности, можно заключить, что активность информационно-психологических агентств, ведомств или департаментов министерств иностранных дел иногда переходит невидимую грань, отделяющую рутинную пропаганду от агрессивной информационно-психологической кампании, направленной на интенсивное изменение внутри или внешнеполитического курса страны. В этом случае, иногда, под угрозу ставится не только деятельность отдельно-взятого правительства, благополучие того или иного политического режима, но и национальная безопасность в целом.

Фактически общепризнанным компонентом системы национальной безопасности является информационная безопасность государства. Эта точка зрения официально признана не только в США, РФ или странах ЕС, но и в Украине. Концепция Национальной безопасности Украины, принятая Постановлением Президиума Верховного Совета Украины 16 января 1997 года рассматривает информационную безопасность государства как самостоятельный элемент системы национальной безопасности государства [3]. Концепцию сменил специальный закон, принятый 19 июня 2003 года [1]. Следует сразу отметить, что за 6 лет изменилось немного: местами закон

цитирует концепцию, утвержденную в 1997 году. Тем не менее, несмотря на размытость, Закон требует создания организационно-правовых мер обеспечения, в том числе, и информационной безопасности Украины. 15 июня 2004 года была утверждена Военная доктрина Украины, которая в числе новых угроз называет появление *«информационных технологий, которые меняют традиционные представления о вооруженной борьбе»*.

Несмотря на вышеизложенное, теория и практика информационной безопасности Украины находятся в неудовлетворительном состоянии, что обуславливает актуальность дополнительного анализа проблемы. На наш взгляд – ключевыми аспектами проблемы является отсутствие четкой терминологии. Например, вышеприведенная цитата – общее место в соответствующих нормативно-правовых документах министерства обороны и Госдепартамента США. Мы не можем не приветствовать интерес, который демонстрируют официальные органы власти к предмету исследования. Однако использование в официальных документах **общих терминов**, заимствованных из иностранных нормативно-правовых актов, **без их дальнейшей детальной конкретизации** превращается в проблему. Проблема уточнения и конкретизации понятийно-категориального аппарата общей теории информационной безопасности государства должна быть решена силами всего научного сообщества.

В настоящее время информационное пространство Украины стало неотъемлемой частью мирового информационного пространства. Информационные потоки пронизывают национальное информационное пространство через сложноорганизованную, практически не координируемую информационную инфраструктуру.

Следует сразу оговориться, что понятие **информационно-нормативной инфраструктуры**, в силу своей неопределенности, требует определенной конкретизации для целей нашего исследования. Несмотря на то, что понятие информационно-нормативной инфраструктуры в настоящее время отсутствует в понятийно-категориальном аппарате политической науки, тем не менее, на наш взгляд, перспективный анализ, даже в среднесрочной перспективе не возможен без осознания и осмысления феномена растущей интеграции нормативной и коммуникативной подсистем современного социума с его информационной инфраструктурой.

Прежде всего, под понятием **информационной инфраструктуры** традиционно понимается *система организационных структур, обеспечивающих функционирование и развитие информационного пространства страны и средств информационного взаимодействия*. Для целей настоящего исследования, рассматривая вслед за Т. Парсонсом, Р. Мертоном, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, М. Вебером и другими признанными классиками политической науки общество как систему, под **информационной инфраструктурой**, мы будем понимать *материальную базу информационной подсистемы социальной системы, функцией которой является сбор, отбор, изготовление, хранение, обработка, редактирование и распространение информации*. Компонентами информационной

инфраструктуры является вся совокупность материальных средств социальной коммуникации: компьютеры, компьютерные сети, спутники связи, сеть теле и радиопередающих станций etc.

В то же время, в нашем понимании компонентами **информационно-нормативной инфраструктуры** являются средства массовой информации и электронных развлечений, образовательные и научно-исследовательские учреждения, органы власти. Таким образом, информационно-нормативная инфраструктура информационного общества интегрирует в себе ряд традиционных институтов, которые первоначально функционировали как самостоятельные социальные институты.

Компоненты информационно-нормативной инфраструктуры мы можем рассматривать как переменные, тесно взаимосвязанные с другой, более древней подсистемой социальной системы – нормативной. Как известно, нормативная подсистема, представляющая собой относительно самостоятельный и консервативный компонент представляет собой набор моральных и нормативных правил исполняющих регулятивную и стабилизирующую функции в обществе.

С качественной трансформацией материальной базы коммуникативной подсистемы, с появлением информационной инфраструктуры – нормативная подсистема была полностью интегрирована с ней в двух плоскостях.

С одной стороны, новая материальная база коммуникационной подсистемы информационного общества, представляет собой принципиально новый уровень социальной коммуникации, позволяющей ей постоянно систематически оказывать информационно-регулятивное воздействие на общество в целом. Таким образом, нормативная подсистема интегрирована с материальными компонентами информационной инфраструктуры – как новыми, так и традиционными.

С другой стороны, интеграция с материальными компонентами коммуникативной подсистемы определила интеграцию с ней на функциональном уровне. Учитывая новый уровень интеграции, нормативная подсистема продолжает исполнять свойственные ей функции в функциональной зависимости от информационной инфраструктуры.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Известно, что сторонники системного подхода, в частности Т. Парсонс, рассматривают общество как систему, существующую как органическое единство четырех подсистем – институциональной, нормативной, функциональной и коммуникативной. В этой классической модели функции нормативной и коммуникативной подсистем не пересекаются. Нормативная подсистема мыслится как относительно самостоятельный элемент, функционально использующий ресурсы коммуникативной подсистемы для функционального нормативно-регулятивного воздействия на общество в целом. Иными словами, в традиционной архитектуре социального организма мы не наблюдаем функциональной интеграции и конкуренции функции нормативной и коммуникативной подсистем.

С зарождением и становлением информационного общества мы наблюдаем функциональную трансформацию коммуникативной подсистемы, которая, качественно трансформируясь, в процессе интеграции с нормативной подсистемой на материальном и функциональном уровне приобретает новые функции, частично дублирующие функции нормативной подсистемы.

Качественной характеристикой новой материальной базы коммуникативной подсистемы, под которой мы понимаем информационную инфраструктуру общества, является высокая степень автономности и самостоятельности в исполнении своих функций. Кроме того, качественной дополнительной характеристикой информационной инфраструктуры информационного общества является перманентная открытость этой инфраструктуры, и, как следствие, потенциальная способность к воздействию извне в двух плоскостях.

С одной стороны, являясь, по своей сути всего лишь технологически высокоразвитым материальным придатком коммуникативной подсистемы, информационная инфраструктура, в процессе взаимодействия с окружающим миром, является относительно открытым каналом ввода-вывода информации. Технологически более развитые коммуникативные подсистемы посредством собственных информационных инфраструктур способны на системном уровне оказывать управляющее воздействие на рассматриваемую социальную систему в целом.

С другой стороны, определенная степень автономности и независимости информационной инфраструктуры, предполагающая наличие собственных, относительно независимых от материнской системы управляющих центров, объективно определяет ряд проблем. Таких, например, как определенная уязвимость, способность к патологической трансформации коммуникационной подсистемы и появлению дисфункций.

Таким образом, мы, без преувеличения можем сказать, что информационная инфраструктура, как материальная основа коммуникативной подсистемы информационного общества, наряду с обслуживанием ее текущих системных потребностей является своеобразным инструментом обратного информационного воздействия, как на, собственно, коммуникативную подсистему, так и на другие жизненно важные подсистемы, и, в первую очередь – нормативную.

Стабильное функционирование нормативной подсистемы – гарантия стабильного и гармоничного развития социальной системы в целом. Функциональной основой нормативной подсистемы любого общества является образ жизни. Именно в образе жизни находит свое отражение нормативно-регулятивное воздействие нормативная подсистема. Образ жизни – это совокупность существенных признаков, характеризующих функционирование конкретного общества. На наш взгляд образ жизни – это отражение доминирующих производственных отношений и соответствующих им идейных и нравственных ценностей в повседневных занятиях людей. Очевидно, что образ жизни является основой психического

здоровья нации. Иными словами, историческая стабильность и функциональная эффективность образа жизни – это интегральный индикатор оптимальной функциональности политических отношений.

Поэтому неслучайно образ жизни является одной из важнейших политических ценностей в странах Запада. США ценность и защиту существующего образа жизни признали одним из главных приоритетов национальной политики еще в 30 годы XX ст. Сохранение существующего образа жизни – один из главных элементов всех избирательных программ претендентов в президенты США.

Следовательно, потенциальная функциональная уязвимость социальных систем, достигших в своем развитии состояния информационного общества нам представляется их качественной архитектурной особенностью. Одной из главных угроз образу жизни современных сложноорганизованных обществ в XXI веке являются агрессивное информационно-психологическое воздействие на национальные аудитории извне, как новый элемент политических отношений.

Именно с целью противостояния подобным угрозам национальной информационной инфраструктуре, в качестве неотъемлемого элемента аппарата любого современного государства является специализированная структура – например агентство, бюро, департамент, функция, которой, в той или иной степени – это поддержание цельности национальной информационной инфраструктуры через интенсификацию информационных потоков на иностранные аудитории, **пропагандирующих собственный образ жизни**. Пропаганда собственного образа жизни на иностранные аудитории является функцией **публичной дипломатии**.

В Соединенных Штатах до 1998 года эти функции публичной дипломатии были возложены на United States Information Agency – **USIA** (Информационное Агентство США). В соответствии с Законом США № 105-277 US Foreign Affairs Reform and Restructuring Act of 1998 (Закон о реформе и реструктуризации иностранных дел 1998 года) USIA было лишено статуса самостоятельного федерального агентства и интегрировано в структуру Госдепартамента. Сейчас функции бывшего Информационного Агентства США возложены на Office of International Information Programs (Бюро международных информационных программ) Госдепартамента США. Практически все страны ЕС (включая новых членов) создали в рамках своих министерств иностранных дел структуры, подобные USIA. В Федеративной Республике Германия – это **Goethe-Institut** (Институт Гёте), в Великобритании – **British Council** (Британский Совет), во Франции – **Alliance Française** (Французский Союз). Наиболее влиятельным информационным агентством стран Юго-восточной Азии является **Синьхуа** (Информационное Агентство Китая).

Активность этих, условно говоря, агентств, сильно отличается. Если на американские и британские внешнеполитические информационные структуры возложен самый широкий круг функций, таких как информационно-психологическое обеспечение внешнеполитических усилий

государства, распространение демократических ценностей, то, например информационные агентства Франции и ФРГ, в первую очередь функционируют как органы, призванные противостоять размытию национальной целостности и культурно-лингвистической идентичности. Агентство Синьхуа, которое, по сообщениям некоторых изданий, подчиняется непосредственно спецслужбам КНР, наряду с вышеперечисленными функциями, выполняет ещё и интенсивную идеологическую обработку китайского общества. Эта особенность сильно отличает Синьхуа от USIA, British Council, Goethe-Institut или Alliance Française, деятельность которых либо запрещена, либо не поощряется в отношении собственных, национальных аудиторий. Например Законом о международных отношениях 1972 года были внесены изменения в закон Смита-Мунда 1948 года, создавшего Информационное Агентство США. В частности было запрещено распространение в США *«any information about the US, its people, and its policies»* приготовленной для распространения за рубежом, а Поправка Зорински ещё более ограничивает Госдепартамент, запрещая использование любых средств *«... to influence public opinion in the [США], and no program material ... shall be distributed within the [США]»*.

Существовали подобные организации и в бывшем Советском Союзе – Агентство Печати «Новости» (АПН). Сейчас, в Российской Федерации функции АПН возложены на Федеральное государственное унитарное предприятие Российское агентство международной информации «РИА Новости» (создано в апреле 2004 года). Кроме того, по данным на 1975 год за рубежом функционировало 109 обществ дружбы с СССР. Все эти организации входили в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). Официальной целью ССОД было объединение советских организаций, *«ставящих своей целью развитие и укрепление дружбы, взаимопонимания, доверия и культурного сотрудничества между народами СССР и зарубежных стран»*.

Украинским аналогом USIA и АПН можно было бы считать Украинское независимое информационное агентство УНИАН, созданное Постановлением Президиума Верховного Совета Украины в 1991 году. Однако в соответствии с данными Госкомитета по телевидению и радиовещанию 1 июля 1998 года УНИАН функционирует как негосударственное ОАО. Некоторым государственным чиновникам и дипломатам посещать информационные ресурсы УНИАН во всемирной компьютерной сети мы не рекомендуем: они могут испытать настоящий шок. Например, в редакционной статье от 6 апреля 2005 [15] года личность Президента В. А. Ющенко сравнивается с личностью первого (и последнего) президента СССР М. С. Горбачёва. Сравнение нелюбезное. Автор жестко и последовательно критикует излишнюю суетливость во внешнеполитической активности Украины, громкие, но непрофессиональные анти коррупционные дела, одностороннюю отмену визового режима для США и стран ЕС и ряд других мер нового правительства в целом и Президента Украины персонально. Многие из этих акций, с точки зрения

автора, имеют свои аналогии в СССР эпохи М. С. Горбачёва. Некоторые аналогии автора сложно оспорить, и, безусловно, эта статья – прямое свидетельство свободы слова в Украине. Но, вряд ли эта публикация (как и многие другие материалы УНИАН) сможет содействовать внешнеполитическим усилиям МИД Украины. Скорее наоборот. И в этом смысле уместна мысль автора публикации о том, что Украину может постигнуть судьба СССР.

Таким образом, мы можем констатировать фактическое отсутствие специальных структур, несущих ответственность за информационно-психологическое сопровождение внешнеполитических усилий МИД Украины. Это состояние неприемлемо, если действующее правительство Украины собирается сохранить государство в существующем виде и границах. Поэтому, на наш взгляд, уместным будет напоминание о том, действующее законодательство требует создания организационно-правовых мер обеспечения, в том числе, и информационной безопасности Украины. А мы, в свою очередь, можем лишь констатировать отсутствие конкретных действий, направленных на реализацию требований Закона.

За все время, прошедшее со времен принятия Концепции, ее положения, касающиеся информационной сферы системы национальной безопасности Украины, кажется, были применены лишь однажды. Именно к этим общим положениям документа апеллировал Секретарь СНБО Е. К. Марчук, в эфире двух национальных каналов, требуя прекратить акцию «Украина без Кучмы» в феврале 2001 года. [14]

Это лишний раз подчеркивает практическую неприменимость положений действующего законодательства в отношении обеспечения, как декларированных целей, так и тех, которые даже не были декларированы.

К числу таких целей, на наш взгляд, следует отнести информационно-психологическое сопровождение внешнеполитических усилий МИД. Необходимость в подобном сопровождении не подвергается сомнению. Мировой опыт показывает, что иногда, урон, нанесенный агрессивным информационно-психологическим воздействием на национальную аудиторию многократно превышает любые вероятные расходы на содержание специализированного аппарата в структуре МИД, призванного нивелировать этот ущерб.

На наш взгляд, одним из важнейших заданий новой власти должна стать работа по созданию органов и механизмов публичной (в отличие от формальной, в ее классическом смысле) дипломатии. И, прежде всего, необходимо ввести в практику внешнеполитической деятельности само понятие «**публичная дипломатия**», т. е. зафиксировать четкое определение публичной дипломатии как определенного инструмента для реализации внешней политики государства в соответствующих источниках (концепциях и доктринах), которые определяют направления внешней политики государства. Ни в одном из ныне существующих источников, термин «публичная дипломатия» не встречается. Тем не менее, потребность в этом виде деятельности, на наш взгляд, очевидна.

На наш взгляд под **публичной дипломатией** следует понимать *систематическое, своевременное, объективное и точное информирование мирового общественного мнения о позиции государства по важнейшим международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях государства, а так же о достижениях национальной культуры, науки и творчества.* Прежде всего, основной целью публичной дипломатии является формирование позитивного восприятия государства, дружественного отношения к нему. Кроме того, на наш взгляд, важным элементом внешнеполитических усилий публичной дипломатии должно стать широкое разъяснение за рубежом сути внутренней политики государства, происходящих в стране процессов.

Далее необходимо создать специальную информационно-аналитическую структуру в аппарате Министерства иностранных дел Украины – например Информационное Агентство Украины, целью которого будет информирование мирового общественного мнения по вопросам внешней и внутренней политики государства через открытое использование различных средств коммуникаций. К подобным средствам коммуникации можно отнести: телевидение, радиовещание, печатные СМИ, информационные службы во всемирной компьютерной сети, личные контакты, организация культурных обменов и т. п.

ИА должно функционировать как административно самостоятельное учреждение. Общее политическое руководство и административная поддержка должны быть возложены на Министерство иностранных дел. ИА целесообразно создавать таким образом, чтобы оно по своей структуре не относилось к категории правительственных учреждений с традиционной жесткой организационной структурой. Это поможет ему постоянно совершенствоваться в процессе работы, приспосабливаясь к требованиям меняющейся обстановки. Вместе с тем организационная основа агентства не должна претерпевать серьезных изменений в процессе его деятельности. На наш взгляд, ИА должно состоять из двух основных подразделений: центрального аппарата в столице и региональных отделений по всему миру.

1. Закон Украины № 964-IV от 19 июня 2003 «Про основи національної безпеки України». // ВВР. – 2003. – № 39. – С. 351. 2. Постановление Президиума Верховного Совета Украины «Про Українське незалежне інформаційне агентство новин (УНІАН)». // ВВР. – 1991. – № 44. – С. 589. 3. Постановление Президиума Верховного Совета Украины «Про Концепцію (основи державної політики) національної безпеки України». // ВВР. – 1997. – № 10. – С. 85. 4. Указ Президента Украины № 648/2004 от 15 июня 2004 «О Военной доктрине Украины» 5. Василенко И. А. Модель «управляемого хаоса» // Наш современник. – 2003. – № 6. – С. 232 – 238. 6. Кашлев Ю. Б., Галумов Э. А. Информация и PR в международных отношениях. М., 2003. – 432 С. 7. Делягин М. Г. Кто сеет ветер – пожнет бурю // Москва. – 1999. – № 9. 8. Литвиненко А. В. Спеціальні інформаційні операції та пропагандистські кампанії. – К., 2000. 9. Панарин И. Н. Информационная война и выборы. – М.,

2003. – 416 С.**10.** Почепцов Г. Г. Информационные войны. – М. – К., 2000. – 576 С.**11.** Почепцов Г. Г. Психологические войны. – М. – К., 2000. – 528 С.**12.** Прокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. – М., 2003. – 408 С. **13.** Расторгуев С. П. Информационная война. – М., 1998. – 416 С. **14.** Гриценко А. Угроза? Национальной? Безопасности? // Зеркало Недели. – 2001. – № 7 (331). – 17 – 23 Февраля 2001 года.**15.** Воропаев С. Все больше пахнет Горбачевым // Информационное Агентство УНИАН. – 6 апреля 2005 года.